Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 56–71
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 56–71

Научная статья
УДК 82.09
https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.04

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И С. БЕККЕТА

Юлия Дмитриевна Бурмистрова
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
j.d.burmistrova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0397-6469

Аннотация. Русская литература получила широкое признание в мировом культурном пространстве только в конце XIX в. В этом вопросе примечательна роль И.С. Тургенева, который, в отличие от других русских писателей, был известен в Европе с 50-х гг. XIX в. и рассматривался иностранными авторами как близкий им литературный деятель, который русскую оригинальность изложения сочетал с доступным для понимания иноязычным читателям содержанием. В настоящем исследовании речь пойдет о реминисценциях из Тургенева в творчестве С. Беккета и, в частности, в его рассказе «Первая любовь», который во многом, полагаем, создавался в контексте одноименной тургеневской повести. Тема взаимоотношений Тургенева и ирландского писателя ранее не поднималась в исследовательской литературе, однако литературные связи двух авторов, которые удается проследить по письмам и библиотеке Беккета, позволяют нам говорить о знакомстве последнего с текстами русского писателя.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Первая любовь», С. Беккет, реминисценции.

Для цитирования: Бурмистрова Ю.Д. Отражение темы первой любви в творчестве И.С. Тургенева и С. Беккета // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 56–71. https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.04.

Original article

THE FIRST LOVE THEME IN I.S. TURGENEV AND S. BECKETT'S CREATIVE WORKS

Iulia Dmitrievna Burmistrova
Moscow City University, Moscow, Russia, j.d.burmistrova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0397-6469

Abstract. Russian literature acquires wide-spread acknowledgement in the world cultural environment only in the late years of the 19th century. After that the creative works of such Russian writers as F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy or A.P. Chekhov become the source of allusions and reminiscentia for the foreign authors. E.M. de Vogue even claimed that in terms of the crisis of the national literature writers must address the Russian texts which offer new and original strategies for literature development. First and foremost, he spoke about I.S. Turgenev's figure. He was one of the few Russian writers known in Europe from the middle of the 19th century and sometimes appeared as an author uniting both the Russian original way of thinking and depicting world with understandable for foreign public plots and ideas. Turgenev's creative talent was known outside Russia and some foreign writers even considered themselves as his apprentices (like H. James). Our current research deals with the Turgenev's figure in S. Beckett's creative works who was quite familiar with Russian literature in general. By studying Beckett's letters and library it was discovered that he indeed had different Turgenev's works in his collection. There stand out two works — "The First Love" and "A Month in the Country" — where the first one was as we believe the plot forcing Beckett to address this topic in his eponymously-named short story. The both stories have a lot in common in the plot and character sections. First of all, the father figure appears in both books in relation to the first love thus creating love triangle: main character — father — lover. Moreover, both fathers appear distant to characters and at the same time close to their hearts. Female lover is also expressing some similarities namely in their scandalous behavior for their time. As for the main heroes, they both have romantic understanding of life which is largely travestied in Beckett's work. But the most significant part is connected to the definition of love in both books. Turgenev underlines the poisonous and destructive nature of love that just has tragic meaning and destroys people without hesitation or regret. Beckett, in his turn, focuses on abstract, senseless and plainly uncontrollable side of love which makes the whole process chaotic. His characters also pass the love trial which

is common for most of Turgenev's works demonstrating their vanity and loneliness in the universe.

Key words: I.S. Turgenev, S. Beckett, The First Love, reminiscentia.

For citation: Burmistrova Iu.D. The first love theme in I.S. Turgenev and S. Beckett's creative works. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev*. Vyp. XV. = *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. M.: Knigodel, 2021; (XV): 56–71. (In Russ.). https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.04.

© Бурмистрова Ю.Д., 2021

Введение. Произведения И.С. Тургенева были одними из первых русских сочинений, с которыми смогли ознакомиться иностранные читатели в XIX в. В своей знаменательной книге «Русский роман», опубликованной в 1886 г., Э.-М. де Вогюэ, говоря о ключевых русских писателях, приводит их библиографию во Франции с пометой: «l'œuvre entière de Tourguénef a été traduite sous sa direction par Charrière, Mérimée, Viardot» [Vogüé: 468][1]. Для французской литературы XIX в. это явление феноменальное (для сравнения: Ф.М. Достоевский к этому времени был переведен только 3 раза, Л.Н. Толстой — 6, а Н.В. Гоголь — только 5 раз, причем большинство переводов осуществлялись самим Тургеневым [Vogüé: 468–470]), так что можно утверждать, что писатель был довольно известен французской публике, хотя, как замечал генерал Б. Фори в своих воспоминаниях о Тургеневе, «во Франции Тургенев был более известен, чем читаем, по крайней мере в широкой публике» [Тургенев: 283]. И эта известность в основном распространялась на виднейших европейских литературных деятелей XIX в.: писатель был близко знаком с Ж. Санд, П. Мериме, И. Тэном, Э. Золя, А. Доде, Э. Гонкуром и, конечно, с Г. Флобером, дружбу с которым пронес до самой его смерти. Будучи глубоко погруженным во французскую литературную среду, Тургенев оказал немалое влияние на ее дальнейшее развитие, и сегодня реминисценции из его творчества исследователи обнаруживают в различных иноязычных сочинениях.

Не исключением стал и С. Беккет, ирландский писатель и драматург, которому суждено было значительную часть своей жизни, как и Тургеневу ранее, провести в Париже. Фигура Беккета до сих пор во многом оказывается мало изучена. Однако публикация эпистолярного наследия автора (2009–2016) позволила исследователям глубже проникнуть в подтекст его сочинений и по-новому взглянуть на уже известные произведения. Так, в предисловии к биографии Беккета, изданной Дж. Ноулсон

[1] «Все сочинения И.С. Тургенева переведены на французский язык под его руководством Э. Шарьерром, П. Мериме, Л. Виардо» (здесь и далее перевод с фр. наш. — *Ю. Д.*).

с согласия автора, отмечается, что, хотя сам автор настаивал на отказе использовать факты своей личной жизни при анализе его произведений, в «ранних работах писателя очевидно прослеживается определяющее влияние личного опыта» [Чернышев: 101]. Кроме того, вносят ясность в понимание источников и смыслов текстов и немногочисленные исследования, посвященные беккетовскому кругу чтения, который был крайне обширен и включал, среди прочего, сочинения русских авторов, таких как Ф.М. Достоевский (особенно любимы писателем были романы «Братья Карамазовы» и «Бесы»), И.А. Гончаров (роман «Обломов») и А.П. Чехов [Knowlson]. В личной библиотеке Беккета нашлось место и нескольким тургеневским сочинениям, два из которых — «Первая любовь» и «Месяц в деревне», — оказываются особенно созвучны творчеству автора. Кроме того, Беккет упоминает роман Тургенева «Рудин» в одном из своих писем, надеясь увидеть адаптацию Барбары Брей для BBC в 1960 г. [Beckett 2014: III, 284, 342]. Таким образом, можно заключить, что Беккет был неплохо знаком с русской литературой и творчеством Тургенева в частности, хотя его отношение к русскому писателю, как и точные временны́е рамки обращения к тургеневским текстам, прямого выражения в письмах и воспоминаниях автора не нашли. Тем любопытнее представляется проследить возможную связь двух сочинений, обращенных к теме первой любви, в творчестве обоих писателей.

Цель работы: проследить особенности отражения темы «первой любви» в одноименных произведениях И.С. Тургенева и С. Беккета.

Материал исследования: повесть «Первая любовь» И.С. Тургенева и рассказ «Первая любовь» С. Беккета.

Методология исследования. В качестве общенаучного метода в исследовании используется описательный метод, связанный с попыткой представить научное описание текста Беккета, а также лингвокультурологический, обоснованный вниманием к лексической передаче смыслов. Ведущим литературоведческим методом выступает сравнительно-исторический, продиктованный особенностями исследуемого материала.

Основная часть. Повесть «Первая любовь» И.С. Тургенева — материал глубоко автобиографичный. Как признавался автор позднее, «одну только повесть я перечитываю с удовольствием. Это *Первая любовь*. Она, пожалуй, моё любимое произведение. В остальном — хотя немного, да выдумано, в *Первой любви* же описано действительное происшествие без малейшей прикраски, и при перечитывании действующие лица встают как живые предо мною» [Половцев: 87]. Этот текст был впервые опубликован в «Библиотеке для чтения» в марте 1860 г. и рассказывал о первой любви в жизни Тургенева, где он был вынужден соперничать с родным отцом. В центре повествования, таким образом, выступают три фигуры: Зинаида Засекина — молодая княжна из разорившегося рода, Владимир Петро-

вич — рассказчик, повествующий о своем воспоминании первой любви, и его отец — окутанная тайной фигура, вынужденный жениться на матери рассказчика по причине отсутствия состояния; и три типа отношений: Зинаида — Вольдемар (где первая выступает повелителем, а второй — подчиненным), Зинаида — отец рассказчика (где представлена обратная ситуация) и, наконец, Вольдемар — отец (отношения, которые всегда оказываются как будто скрыты от глаз читателей, но вместе с тем определяют все происходящее).

Примечательно, что во Франции повесть была впервые опубликована в 1863 г. с небольшим прибавлением, в котором друзья рассказчика делились своим мнением по поводу только что услышанной истории, рефлексируя над ее «глубокой и тёмной» [Тургенев: 484] безнравственностью. С одной стороны, такое прибавление было призвано сместить акцент с малопонятных явлений русской ментальности, которые могли показаться европейским читателям дикими и безнравственными, а также установить своего рода границу между русским человеком и французом, дать возможность французской аудитории со стороны взглянуть на произведение. С другой стороны, характерен сам выбор автором слов в финальном диалоге между рассказчиком (Владимиром Петровичем) и его другом:

«— Мне кажется, в одной России...

— Такая история возможна! — перебил Владимир Петрович.

— Такой рассказ возможен» [Тургенев: 484].

Это лексическая фокусировка на «рассказе», а не на «истории», т. е. не на событии, а на его изложении, озвучении, позволяет дополнительно подчеркнуть те художественные аспекты этого сочинения, которые для Тургенева были принципиально важны и через которые он обращался к иноязычной публике, говоря не только о различиях, но и о сходстве двух народов: история могла повториться в разных странах, но чистосердечный, откровенный и выстраданный рассказ о ней возможен был только в России.

Тем не менее даже это дополнение не помогло избежать многочисленных упреков в безнравственности повести со стороны как отечественной, так и европейской критики. В частности, Л. Виардо так писал по поводу публикации «Первой любви»: «Я весьма опасаюсь, что он (Луи Виардо называл эту повесть “маленький роман”. — *Ю. Б.*), незаметно для вас самого, является тем, что справедливо называют нездоровой литературой. Все его персонажи приближаются к отвратительному: и старая княгиня с табаком, и девушка, которая кокетничает своей продажностью, и граф, и поляк, и поэт: никто из них не вызывает участия и не забавляет. Кого же она изберет среди своих обожателей, эта новая *Дама с камелиями*? Женатого мужчину. Снова адюльтер, всегда процветающий и прославляемый адюльтер! Этот мужчина женится на немолодой женщине по рас-

чёту, он растрачивает состояние этой женщины на то, чтобы приобретать молоденьких любовниц. Неважно! Это очаровательный, обаятельный, неотразимый человек. Почему, по крайней мере, не сделать его вдовцом? К чему жалкая и бесполезная фигура его жены? А кто же рассказывает эту скандальную историю? Его сын, о стыд! Его собственный сын, который не следует за детьми Ноя, прикрывшими опьянение и наготу своего отца, но который выставляет их на всеобщее обозрение. И не в шестнадцать лет он рассказывает об этом, но в сорок, когда волосы его седеют, и он не находит слова упрёка или сожаления по поводу прискорбного положения своих родителей. Чему же служит, после всего этого, талант, растрачиваемый на такой сюжет!» [Tourguénev: 115–116].

Тем примечательнее, что именно к этому «скандальному» и «нездоровому» сюжету обращается в своем творчестве и Беккет. Рассказ «Первая любовь» был написан автором в 1945 г., но опубликован намного позднее — в 1970 г. на французском языке и в авторском переводе на английский в 1973 г. В своей основе сочинение не является автобиографичным, хотя отдельные элементы жизни автора здесь и присутствуют: первая любовь Беккета была во многом платонической и случилась во время его обучения в колледже Тринити с Этной Маккарти. В своем рассказе автор от первого лица повествует о жизни молодого человека, который, лишившись отца, оказывается выставлен из собственного дома. Не понимая, куда ему идти дальше, он решается переночевать на скамейке у канала, где знакомится с Лулу, девушкой, зарабатывающей на жизнь проституцией. Определяя свое отношение к девушке как любовь, герой со временем переезжает к ней, но вновь покидает дом, пока на свет появляется его ребенок.

Рассказ выстроен в технике «потока сознания», характерной для творчества Беккета в целом и определяемой как «прием повествовательной техники в литературно-художественном произведении, характеризующийся репродукцией объемных комплексов внутренней речи персонажа с целью психологической, социальной, морально-этической и других характеристик» [Кусько: 87]. Среди особенностей такого стиля в «Первой любви» можно отметить нелинейность размышлений героя (размышления о смерти отца сменяются воспоминаниями о запорах), обилие конструкций разговорной речи и экспрессивной лексики, отсутствие авторского плана, что работает на единение читателя и главного героя, отсутствие оформления прямой речи и диалогов в тексте, а также общая обрывистость повествования: герой приходит из ниоткуда и растворяется в неизвестности.

На первый взгляд, два сочинения не могут иметь много общего, кроме того факта, что они посвящены первой любви в жизни героев, хотя сам характер этой любви, кажется, принципиально разнится и не соответствует общепринятым идеям. Вместе с тем между ними можно обнаружить не-

мало схожих черт, которые указывают на внимательное прочтение Беккетом тургеневской повести.

Так, рассказ ирландского писателя открывается следующей фразой: “J’associe, à tort ou à raison, mon mariage avec la mort de mon père, dans le temps” [Beckett 1970: 7][1]. Таким образом, уже в первом предложении выступает этот треугольник взаимоотношений, который доминирует в обоих произведениях: герой — отец — возлюбленная. В тургеневском тексте образ отца является ключевым для понимания всего произведения: юношеская наивная любовь рассказчика оказывается противопоставлена всепоглощающей любви-страсти, которая захватывает героев и увлекает их в бездну. Тургенев подчеркивает трагическое значение чувства, его разрушительную сторону, невозможность вечной любви «в пределах земных границ» [Кузавова: 13], что в повестях писателя зачастую рассматривается как завершение жизни героев за счет доминирования их личного «я» в тексте.

В беккетовском произведении фигура отца не является непосредственным участником любовной ситуации, в то же время она служит мощным и главным импульсом ее развития в жизни главного героя. Именно смерть отца становится точкой отсчета для романтических отношений рассказчика, позволяет ему полюбить другого человека вообще: вынужденный покинуть дом, где ему не рады, он знакомится с Лулу и, не имея крыши над головой, идет к ней домой. Размышляя о красоте своей возлюбленной, он вновь обращается к образу своего отца, соотнося лицо Лулу и само понятие красоты с выражением отцовского лица в гробу. Наконец, даже покидая Лулу и слыша первые крики своего ребенка, он вспоминает о своем отце, замечая, что “il m’en avait montré d’autres, mais seul et sans lui je n’ai jamais su retrouver que les chariots” [Beckett 1970: 55][2]. Показанные отцом созвездия служат путеводной нитью для героя в его расстроенных чувствах, когда он пытается избежать свое настоящее. Таким образом, в финале рассказа актуализируется уже не романтическая, но родственная любовная тематика: не о конечности и силе романтической плотской любви жалеет герой, но о своем одиночестве в этом мире, вынужденный жить вне кровных и родственных уз, оторванный от родного «гнезда». Эта проблематика встречается и в более ранних сценах рассказа, например, наконец обосновавшись в доме Лулу, герой восклицает: “Essayez maintenant de me mettre à la porte” [Beckett 1970: 46][3], подчеркивая страх оказаться выброшенным и оставленным как доминирующий в сознании героя. Необходимо заме-

[1] «С временной точки зрения я связываю, по ошибке или справедливо, мой брак со смертью моего отца» (пер. с фр.).

[2] «Он показывал мне и другие, но в одиночестве и без него я никогда не мог найти других созвездий, кроме Колесницы» (пер. с фр.).

[3] «Только попробуйте теперь выставить меня» (пер. с фр.).

тить, что этот новый акцент в произведении, думается, не в последнюю очередь продиктован личными потрясениями в жизни автора: во время Второй мировой войны писатель жил на территории оккупированной Франции и даже участвовал в движении Сопротивления. Постоянный страх за свою жизнь и вынужденное бегство на юг страны после рассекречивания, и вследствие этого забытье и острое ощущение одиночества на долгие годы стали неотъемлемой частью жизни Беккета.

В данном ключе примечательно, что и сам герой, фактически став отцом в финале сочинения, решает бежать из дома Лулу, приведенный в ужас криками рождения, также оставляя собственного ребенка покинутым, как когда-то был оставлен и сам. Этот мотив преемственности поколений встречается, между прочим, и во французском тексте тургеневской «Первой любви», где в эпилоге приятель рассказчика замечает: «Но будем надеяться, что нашим детям не придётся так рассказывать свою молодость» [Тургенев: 484] (напомним, что иноязычным читателям тургеневский текст был известен только с эпилогом вплоть до 1974 г., когда вышло новое издание на французском Петера Бранга). Таким образом, если Тургенев наряду с элегическими интонациями, которые доминируют в заключительных строках повести, все-таки выражает надежду на будущую новую жизнь, которой, возможно, суждено преодолеть недостатки современности, Беккет в большей степени фокусируется на цикличности человеческого существования, признавая повторяемость и неизбежность проблемы любви и семейных взаимоотношений. Полагаем, это ощущение тревожности, как его характеризует Дж. Гурлей в своей статье, посвященной «Первой любви» [Gourley], также во многом есть следствие поствоенного сознания автора, вынужденного столкнуться лицом к лицу с ужасами войны.

Обнаруживаются и другие переклички между образами отца в обоих произведениях. В частности, особое состояние отчужденности и закрытости, которое характерно для обоих персонажей, и вместе с тем сильная внутренняя связь между отцом и сыном, которая с трепетом поддерживается младшим поколением. Подобно тому, как Владимир Петрович вспоминал о своем отце, что он «держался строго, холодно, отдалённо» и «обходился» с рассказчиком «равнодушно-ласково» [Тургенев: 304], «почти не занимаясь его воспитанием» [Тургенев: 323], беккетовский герой вспоминает о той дистанции, которая существовала между ними: “Et quand les restes de mon père y collaborent, aussi modestement que ce soit, il s’en faut de peu que je n’aie la larme à l’œil” [Beckett 1970: 9][1]. Желание преодолеть эту дистанцию, стать ближе, характеризует обоих героев в равной степени.

[1] «Когда же речь заходит об останках моего отца, сколь скромным ни был его вклад, я едва могу сдержать слёзы на глазах» (пер. с фр.).

Герой Беккета не снимая носит шляпу, подаренную ему отцом, в то время как Владимир Петрович ищет все возможные пути сближения с отцом, замечая, что даже общая любовь «как будто ещё возвысила его в моих глазах» [Тургенев: 356].

Определенные параллели можно обнаружить и в характерах возлюбленных. То, что у Тургенева было только намечено и во многом преувеличено критиками и современниками, у Беккета нашло свое непосредственное и грубое выражение. Красавица Зинаида, предмет восхищения и обожания многочисленных мужчин, получает бытовую и пошлую интерпретацию. Образ проститутки в качестве дамы сердца героя носит пародийный характер и продиктован, вероятно, желанием высмеять устоявшиеся каноны в изображении центрального женского персонажа в произведении. Он представляется во многом размытым и нечетким: читатель не знает наверняка имени, возраста или мотивов героини. Известно лишь, что она, вслед за тургеневской Зинаидой, смиренно и даже несколько отчужденно принимает все удары от своего возлюбленного, молчаливо жертвуя собой ради него. Однако эта жертвенность не оказывается окрашена в трагические или элегические тона, как это было у Тургенева, она лишь подчеркивает ничтожность чувств героев и мира вообще. Примечателен и конец обеих героинь: Зинаида умирает от родов, в то время как герой покидает Лулу в процессе родов, убегая от криков их новорожденного ребенка.

Сближается и мироощущение героев в двух произведениях. Так, по точному замечанию И.А. Беляевой, «Повесть в творчестве Тургенева актуализировала в характере героя гамлетовское начало. Это, конечно, не означает, что все герои тургеневских повестей типологически — Гамлеты. Но им довлеет гамлетовская доминанта. Они, даже при определенной степени открытости миру и людям, все же оказываются сосредоточены на себе, а их существование замкнуто во времени и пространстве» [Беляева: 92]. Здесь можно добавить, что недаром во французском переводе «Первой любви» в эпилоге Тургенев добавил цитату из Гамлета — «Есть что-то испорченное в Датском королевстве» — в уста приятеля рассказчика, вновь фокусируясь на гамлетовском начале своего героя. У Беккета можно наблюдать такую же позицию: его герой фактически оказывается полностью сфокусирован на себе, своем внутреннем мироощущении. Например, размышляя о Лулу, он восклицает: “Ce que je connais le moins mal, ce sont mes douleurs. Je les pense toutes, tous les jours, c’est vite fait, la pensée va si vite, mais elles ne viennent pas toutes de la pensée” [Beckett 1970: 24][1]. Смерть отца, возлюбленная и собственно время не играют для него значи-

[1] «Что я понимаю лучше всего, из множества мне непонятного, мои собственные страдания. Я обдумываю их со всех сторон, каждый день, быстро и неустанно, ведь мысль

тельной роли. Все это оказывается как бы на окраине его сознания, служит лишь внешним выражением времени, которое оказывается хаотично в душе главного героя. Момент между приходом к Лулу и ее беременностью воспринимается героем как череда однообразных дней и ночей, между которыми был принесен гиацинт и был съеден пастернак.

Кроме того, оба автора наделяют романтическим сознанием своих героев. Тургеневский рассказчик зачитывался «Разбойниками» Шиллера, в то время как у Беккета герой любил прогуливаться по кладбищу. Особое место в пространстве тургеневской «Первой любви» занимает также Нескучный сад, традиционное место в литературе эпохи романтизма. Характерно, что и признания беккетовских героев звучат на скамейке на набережной. Подчеркивается эта романтическая тональность и в отношении к любви героев. Так, только приехав в деревню и не встретив еще Зинаиду, тургеневский рассказчик уже ощущает чувство предстоящей любви, предчувствует «что-то новое, несказанно сладкое, женское» [Тургенев: 306]. Случайно увидав Зинаиду через забор, Вольдемар в ту же секунду оказывается очарован ею, любовь в его душе соотносится с грозой, которая, казалось, отвечала «немым и тайным порывам, которые вспыхивали» в нем после встречи с молодой девушкой [Тургенев: 323]. Кроткие и мягкие звуки тронутой влюбленной души героя отвечают его аккуратным и нерешительным попыткам завладеть сердцем Зинаиды, которая не могла воспринимать его серьезно из-за юного возраста и увлеченностью его отцом.

В рассказе Беккета романтическое восприятие любви подвергается травестированию. Возвышенная любовь в стиле романтизма представляется вульгарной и низменной, одухотворенная и загадочная героиня оказывается проституткой, которая принимает клиентов в соседней с возлюбленным комнате, однако совершенно не испытывает чувство стыда или сожаления, как, впрочем, и сам герой. В отличие от романтических установок Тургенева, само определение дается Беккетом в ироническом значении: “Oui, je l’aimais, c’est le nom que je donnais, que je donne hèlas toujours, à ce que je faisais, à cette époque. Je n’avais pas de données là-dessus, n’ayant jamais aimé auparavant, mais j’avais entendu parler de la chose, naturellement, à la maison, à l’école, au bordel, à l’église, et j’avais lu des romans, en prose et en vers, sous la direction de mon tuteur, en anglais, en français, en italien, en allemande, où il en était fortement question. J’étais donc quand même en mesure de donner un nom à ce que je faisais, quand je me voyais tout d’un coup en train d’écrire le mot Lulu sur une vieille bousse de génisse, ou que couché sous la lune dans la boue j’essayais d’arracher ler orties sans en casser

бывает резка, но сами страдания совсем не такие, по крайней мере, не все, и не всегда пребывают только в мыслях» (пер. с фр.).

la tige" [Beckett 1970: 27–28][1]. Гроза и трепет юношеского чувства из тургеневской «Первой любви» у ирландского писателя превращаются в низменное и глупое чувство, которое он в равной степени изучает в церкви и в борделе. Усиливает травестирование сюжета и указание на гувернера, с которым рассказчик читал о любви в книгах, подобно тургеневским героям, — Владимир Петрович только месяц как «расстался со своим французом» [Тургенев: 312].

Вместе с тем, само ощущение любви героями Тургенева во многом получает логическое развитие в тексте Беккета. Тургенев повествует о любви-страсти, которая приносит «счастье», но в то же время является «отравой» и несет разрушительную силу, как предостерегает отец героя. Эта любовь во многом оказывается у писателя противопоставлена сдержанному и возвышенному чувству уважения и близости, которое должно заменить отравляющую жизнь страсть. Таким образом, в перспективе Тургенев не лишает любовь положительного значения, хотя и полагает, что не каждая любовь способна благотворно влиять на человека.

В свою очередь, Беккет говорит о разрушительности любви вообще. Его герой пытается найти определение тому чувству, которое Лулу в нем возбуждает, — страстное, платоническое или рассудочное, — однако заключает, что "l'amour vous rend mauvais" [Beckett 1970: 29][2]. Автор подчеркивает иррациональность и пошлость любви — герой фактически влюбляется в первую встреченную им девушку, совершенно ничего не зная о ней; ее бездумность и низость — неоднократно любовь в его сознании соотносится со старой коровьей лепешкой, после которой он облизывает пальцы, мечтая о возлюбленной; тот хаос, который она приносит и в сердце героя, и в его жизнь. При этом несмотря на общую разрушительную силу этого чувства, которая, подобно крикам новорожденного в его голове, никогда не прекратит своего разрушающего воздействия, любовь, по мысли автора, нельзя контролировать: "Mais l'amour, cela ne se commande pas" [Beckett 1970: 56][3]. Эта необузданность любви и является, на наш взгляд, ключевой характеристикой для Беккета: герой не может избежать ее, не может подчинить, даже сбежать от нее он не в силах. Любовь представляется

---

[1] «Да, я любил её, именно так я называл и, увы, продолжаю называть то, чем занимался в то время. Мне нечего было принимать за образец, я никогда не любил прежде, но я, конечно, слышал разговоры об этой штуке — дома, естественно, а также в школе, борделе и церкви, ещё я читал, под руководством моего гувернёра, романы, в стихах и прозе, на английском, французском, итальянском и немецком, где этот предмет был исследован обстоятельно. Следовательно, я всё-таки мог дать определение тому, что чувствовал, пока выписывал имя Лулу на старой коровьей лепёшке, лежал ничком в грязи при лунном свете или рвал с корнем острые кусты крапивы» (пер. с фр.).

[2] «Любовь выявляет в человеке всё самое худшее» (пер. с фр.).

[3] «Но любовь, ей нельзя управлять» (пер. с фр.).

иррациональной, алогичной, неконтролируемой и бессмысленной. Причем, что характерно именно для текста Беккета, такое определение любви вполне распространяется и на родственную, неромантическую любовь, которая также оказывается забыта и ничтожна.

В центре конфликта беккетовского произведения оказывается человек в контексте любви, чье мироощущение претерпевает изменения при столкновении с чувством. Вслед за тургеневскими персонажами беккетовские герои также проходят испытание любовью, перед которой оказываются абсолютно ничтожными и незначимыми. Это в значительной степени можно объяснить общими особенностями поствоенной эпохи, когда тревожность и ощущение безнадежности бытия повсеместно охватывали современников.

В то же время, избрав тургеневский текст как основу своего рассказа, Беккет не ограничивается реминисценциями только из «Первой любви». Еще одним важным ключом для понимания этого произведения становятся сочинения другого русского автора — Достоевского, в частности, его «Записки из подполья». Беккет в целом очень высоко оценивал творчество Достоевского, особенно в ранние годы своей жизни до 1940-х гг., однажды даже предложив написать книгу о жизни русского писателя для издателя Чарльза Престина, который, однако, от этой идеи отказался [Beckett 2009: I, 82]. Достоевский активно присутствует в ранних письмах ирландского писателя, который демонстрирует хорошее знакомство с текстами русского автора, свободно используя отсылки к ним в корреспонденции со своими друзьями. С «Записками» рассказ соотносится прежде всего самим типом подпольного человека, коим является рассказчик (худшим событием в его жизни стала необходимость выбраться из привычных ему жизненных условий и покинуть дом), образом возлюбленной-блудницы и структурой монолога главного героя. Более того, поскольку к моменту публикации рассказа (1970 и 1973) имя Достоевского было широко распространено в Европе, можно предположить, что именно достоевский слой в большей мере выступал как первичный для иностранных читателей, в то время как реминисценции из Тургенева, даже несмотря на такую явную параллель в заглавии произведений, оказались вне поля зрения публики, во многом из-за того, что фигура писателя была заслонена другими русскими авторами в сознании европейцев (в частности, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, во многом благодаря книге Э.-М. де Вогюэ [Vogüé]).

Однако, на наш взгляд, Беккет не пытался столкнуть двух авторов и не выстраивал привычной нам оппозиции «Тургенев — Достоевский» в своем рассказе, но органично соединял сюжет одного и образы другого русского писателя. Прежде всего, полагаем, беккетовский рассказ, который он, между прочим, никогда не планировал публиковать, задумывался

как пародия на прочитанное сочинение Тургенева, где герои Достоевского, более близкие Беккету по духу и проблематике, оказываются поставлены в тургеневскую ситуацию, которая особенно остро стояла перед иноязычным писателем в послевоенные годы.

Выводы. Таким образом, мы можем говорить, что в повести Тургенева «Первая любовь» и в одноименном рассказе Беккета обнаруживается немало сходных черт, вызванных, полагаем, пристальным чтением ирландским писателем тургеневских сочинений. В обоих произведениях представлен нехарактерный взгляд на первую любовь в жизни героев: шестнадцатилетнего юноши и двадцатипятилетнего молодого человека, которые наделены романтическим сознанием и личностным мироощущением. Значительную роль в произведениях играет и образ отца, который вмешивается в любовную историю и указывает направление ее развития: в тургеневском тексте непосредственно становясь настоящим возлюбленным Зинаиды, а у Беккета — своей смертью предопределив невозможность счастливого конца отношений героя и Лулу. Обращаясь к теме первой любви в своем произведении, Беккет во многом соглашается с Тургеневым в его интерпретации этой темы, одновременно расширяя ее до сознания невозможности и ничтожности всякой любви вообще. Даже если бы отец Владимира Петровича умер, а Зинаида ответила взаимностью, положительный исход любви был бы невозможен для героя, показывает Беккет. При этом если у Тургенева первая любовь оказывается растоптана ее разрушительной силой, страстью, то у Беккета — ее принципиальной невозможностью, продиктованной ее хаотичностью и необузданностью, а также общей ничтожностью человеческого земного бытия.

Источники

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Под ред. М.П. Алексеева и др. М.: Наука, 1981. Т. 6. 495 с.

Beckett S. Le premier amour. Paris: Les Éditions de Minuit, 1970. 56 p.

Beckett S. The letters of Samuel Beckett: In 4 Vol. / Ed. and trans. by G. Craig, gen ed. by L.M. Overbeck. Cambridge: Cambridge university press, 2009–2016.

Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite: En II T. / Intr. et notes par A. Zviguilsky. Paris: Librairie des cinq continents, 1972. T. 2. 167 p.

Литература

Беляева И.А. Система жанров в творчестве И.С. Тургенева. М.: МГПУ, 2005. 249 с.

И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под ред. В.Э. Вацуро и др., сост. и подг. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. М.: Худ. литература, 1983. Т. 2. 557 с.

Кузавова М.В. Любовно-философские повести И.С. Тургенева и проблема циклообразования в творчестве писателя 1850-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кузавова Мария Викторовна; Моск. гор. пед. ун-т. Москва, 2012. 24 с.

Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1980. 207 с.

Половцев А.В. Воспоминания об И.С. Тургеневе // Царь-колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь. М.: Изд-во И.Н. Кушнерова и Ко, 1887. С. 77–90.

Чернышев И.Н. Письма Беккета как источник научного комментирования // Практики и интерпретации, 2018. Т. 3 (4). С. 100–117.

Dermitzakis B. The first love by Ivan Turgenev and by the Greek writer John Condilakis // Primerjalna Knjizevnost, 2005. № 28 (1). Pp. 91–97.

Gourley J. The dialectic of Panic and Anxiety in Beckett's "First Love" // Samuel Beckett Today / Aujord'hui, 2017. № 29 (1). Pp. 150–161. http://doi.org/10.1163/18757405-02901013.

Knowlson J. Damned to fame: The life of Samuel Beckett. New York: Simon & Schuster Publ., 1996. 800 p.

Knowlson J. Looking back — but leaping forward // Samuel Beckett Today / Aujourd'hui, 2001. Vol. 11. Pp. 31–36.

Nadel I. Modernism's Second Act. New York: Palgrave, 2013. 119 p.

Vogüé de E.-M. Le Roman Russe. Paris: Librairie Plon, 1886. 352 p.

References

Istochniki

Turgenev I.S. (1981). *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t.* [Complete of works and letters: In 30 vols.]. Moscow: Nauka. Vol. 6. 495 p. (In Russ.).

Beckett S. (1970). *Le premier amour.* Paris: Les Éditions de Minuit. 56 p.

Beckett S. *The letters of Samuel Beckett: In 4 Vols.* Cambridge: Cambridge university press, 2009–2016.

Tourguénev I. (1972). Nouvelle correspondance inédite: En II T. Paris: Librairie des cinq continents. T. 2. 167 p.

Literatura

Belyaeva I.A. (2005). *Sistema zhanrov v tvorchestve I.S. Turgeneva* [Systems of genres in I.S. Turgenev's creative works]. Moscow: MGPU. 249 p. (In Russ.).

I.S. Turgenev v vospominaniyah sovremennikov: V 2 t. [I.S. Turgenev in his contemporaries memoirs: In 2 vols.]. Moscow: Khud. literatura, 1983. Vol. 2. 557 p. (In Russ.).

Kuzavova M.V. (2012). *Lyubovno-filosofskie povesti I.S. Turgeneva i problema cikloobrazovaniya v tvorchestve pisatelya 1850s godov* [Amouros-philosophical stories by I.S. Turgenev and the cycle-forming issue in the writer's works of the 1850s]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Love and philosophical aspects on I.S. Turgenev's short stories of 1850s] Moscow. 24 p. (In Russ.).

Kus'ko E.Ya. (1980). *Problemy yazyka sovremennoj hudozhestvennoj literatury*. [The issue of the language of modern fictional literature] L'vov: L'vovsk. un-ta publ. 207 p. (In Russ.).

Polovcev A.V. (1887). *Vospominaniya ob I.S. Turgeneve* [Memoirs about I.S. Turgenev]. *Tsar'-kolokol. Illyustrirovannyj vseobshchij kalendar'* [The Tsar Bell. Illustrated widespread almanac]. Moscow. Pp. 77–90. (In Russ.).

Chernyshev I.N. (2018). Pis'ma Bekketa kak istochnik nauchnogo kommentirovaniya [Beckett's letters as the sourse for scientific commenting]. *Praktiki i interpretacii* [Practices and Interpretations]. T. 3 (4). Pp. 100–117. (In Russ.).

Dermitzakis B. (2005). The first love by Ivan Turgenev and by the Greek writer John Condilakis. *Primerjalna Knjizevnost*. No. 28 (1). Pp. 91–97.

Gourley J. (2017). The dialectic of Panic and Anxiety in Beckett's "First Love". *Samuel Beckett Today — Aujord hui*. No. 29 (1). Pp. 150–161. doi: http://doi.org/10.1163/18757405-02901013.

Knowlson J. (1996). *Damned to fame: The life of Samuel Beckett*. New York: Simon & Schuster Publ. 800 p.

Knowlson J. (2001). Looking back — but leaping forward. *Samuel Beckett Today — Aujourd hui*. Vol. 11. Pp. 31–36.

Nadel I. (2013). *Modernism's Second Act*. NY: Palgrave. 119 p.

Vogüé de E.-M. (1886). *Le Roman Russe*. Paris: Librairie Plon. 352 p.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021; одобрена после рецензирования 24.06.2021; принята к публикации 29.09.2021.

The article was submitted 12.05.2021; approved after reviewing 24.06.2021; accepted for publication 29.09.2021.

Информация об авторе

Юлия Дмитриевна Бурмистрова — кандидат филологических наук; Московский городской педагогический университет; старший преподаватель кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук; сфера научных интересов: русско-европейские литературные связи.

Information about the author

Iulia Dmitrievna Burmistrova — Candidate of Philology; Moscow City University; Lecturer at the Foreign Philology Department of the Institute of Humanities; research interests: Russian-European literary connections.